

*Т.Ю.Труханович,
главный специалист
архивного отдела мэрии
г. Череповиц*

Архивные документы о цензуре в Череповецкой губернии.

Цензура – это просмотр (предварительный или последующий) государственным учреждением, ведущим надзор за печатью литературных произведений, предназначенных к печати или выпуску (книг, журналов, газет), а также постановок пьес, радиопередач и т.д.

В 1920-е годы цензуру в РСФСР осуществляло Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) Народного комиссариата просвещения РСФСР. При Главлите функционировал Главный комитет по контролю за репертуаром (Главрепертком). Учреждения системы Главлита были созданы на местах. В губерниях это были губернские управления по делам литературы и издательств. В уездах – уездные инспектора по делам печати и зрелищ.

С 1918 по 1927 год Череповец был центром губернии. Губернский исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и его отделы руководили жизнью и города, и уездов, входивших в состав губернии, в том числе, и вопросами печати и зрелищ.

Одним из направлений деятельности Губернского управления по делам литературы и издательств был контроль за тем, чтобы не допустить опубликования в открытой печати сведений, которые могут нанести ущерб интересам молодого социалистического государства. С 1926 года эта работа велась в соответствии с постановлением СНК СССР об утверждении перечня сведений, являвшихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной. Но контроль за печатью осуществлялся, естественно, и до появления этого перечня, в том числе и по линии учреждений системы Главлита.

В течение апреля 1924 года в Череповецкий Гублит от Главного управления по делам литературы и издательств поступили следующие указания:

«Всем Гублитам.
Циркулярно.
Секретно.

Главлит предлагает Вам ни в коем случае без согласования с ОГПУ не пропускать в печать сведения, конкретизирующие полномочия ОГПУ по борьбе с фальшивомонетчиками, об арестах и раскрытых организациях, различного рода интервью, отчеты о судебных процессах по фальшивомонетчикам и т.п.

19 апреля 1924 года».

«Всем Гублитам и Политредакторам Главлита при типографиях, ведомствах и отдельных изданиях.

Циркулярно.
Совершенно секретно.

В целях предупреждения возможности разглашения оперативных перебросок, Главлит...предлагает всем Политредакторам строго проводить ... замену названий частей «N-ский», отнюдь не допуская оглашения в печати наименования, боеспособности, численности, месторасположения и т.д. отдельных воинских единиц, каковые нарушения имели место за последнее время в некоторых периодических изданиях... 18 апреля 1924 г.».

В октябре 1926 г. в уезды Череповецкой губернии ушло под грифом «совершенно секретно» указание губернского инспектора печати и зрелищ Проворова о недопущении появления в открытой печати цифрового материала о валовом сборе хлебов по отдельным культурам и производящим районам, о перспективах хлебно – фуражного баланса и о размерах

ожидавшихся хлебных излишков, оставшихся после удовлетворения внутренних нужд, о перспективах хлебного экспорта.

Местными издательствами ни одна книга или брошюра не могла быть напечатана без предварительного просмотра рукописи и получения разрешения на печать в Гублите. Правда, документы свидетельствуют, что такие ситуации все же встречались. Так, Тихвинским уездным инспектором по делам печати и зрелищ без согласования с губернским управлением было разрешено печатание книги «Тихвинский край». По какой-то причине (в письме она не указана) очерк «Тихвинский край в годы революции» был признан не подлежащим опубликованию: «После уже напечатания Гублит вынужден был наложить запрет на распространение сборника, предложив переброшюровать его, что повлекло за собой убытки».

Цензуре подвергались и уже напечатанные книги. В середине 1920-х годов проходили проверка и пересмотр библиотечных фондов, сопровождавшиеся изъятием книг.

В фонде губернского управления народного образования есть разъяснение Главлита от 14 апреля 1924 года о том, что «изъятию из библиотек подлежит: а). журналы, определенно монархического содержания. В эту категорию...не входят журналы «Русская Мысль», «Русское богатство», «Современник» и т.д. б). книги и учебники контрреволюционного или монархического содержания». Уполномоченным органам было предложено руководствоваться в отношении изъятия книг из библиотек примерными списками книг, изъятых из продажи органами Главлита и списками, составляемыми библиотечным отделом Главполитпросвета, определяющими состав библиотек в зависимости от их характера. Списков запрещенных книг в фондах архива нет. Есть список разрешенной литературы, содержащий более 900 наименований. В 1926 году он был направлен в Кирилловский уезд для руководства при проведении изъятия книг из библиотек. Список интересен своим содержанием. В нем сказки Андерсена и собрание сочинений Бальзака, политические работы Бакунина и сочинения Филарета. «Петербургские трущобы» Крестовского соседствуют с «Муниципальным социализмом» Кручинского, «Руководство к преподаванию по родному слову Ушинского – с «Князем Серебряным» А.Толстого.

В решении Агитколлегии губернского комитета ВКП(б) 28 июля 1926 года значится: Предложить партчасти Гублита развернуть в достаточном объеме работу по изъятию вредной литературы, взять на учет все имеющиеся библиотеки.

«Работа по изъятию вредной литературы из деревенских библиотек не закончена, – читаем в письме заведующего Гублитом от 11 сентября 1926 года, – а там, где закончена, на хранение изъятых книг не обращается должного внимания. И, как выявлено, местами изъятые книги раздаются крестьянам на оклейку стен и т.д., а последние используют их для чтения. Книжные архивы изъятых литературы в уездах находятся в беспорядочном состоянии и местами в совершенно непригодных и даже незапертых помещениях».

Кстати, пересмотр библиотечных фондов проходил не всегда обоснованно: «В последнее время участились случаи изъятия из библиотек, в том числе и центральных, книг, содержание которых не вызывает необходимости в таком мероприятии. Изымались учебники, имеющиеся в одном экземпляре, старые журналы, известные до революции своим либеральным направлением, научные труды по религиозным вопросам и т.д.». В связи с этим Главлит предлагал относиться к этой работе вдумчиво и серьезно.

Много внимания уделялось зрелищным мероприятиям, театральным постановкам, деятельности самодеятельных театральных коллективов.

Драматические произведения, как и книги, подвергались цензуре. Ее осуществлял Главный Репертуарный Комитет. На местах действовали репертуарные комиссии.

Разрешенные пьесы подразделялись на две категории, обозначенные литерами «А» и «Б». Под литерой «А» значились произведения, разрешенные безусловно. К их постановке не встречалось никаких препятствий, в каком бы театре они не шли, и какой бы состав аудитории их не смотрел. К этой категории ГРК относил те произведения, которые идеологически не могли внушать никакого сомнения. «Наряду с пьесой полезной, – говорится в одном из инструктивных писем Главреперткома (1924 г.), – здесь значатся пьесы просто безвредные. Так, например, к литере «А» относятся пьесы Луначарского и пьесы Писемского. Само собой, что их идеологический, репертуарный вес в наши дня различен. Пьеса Луначарского активна, от сего дня,

от наших чувств и мыслей, а пьеса Писемского и устарела, и может быть попросту не особенно нужна. Но ГРК объединяет их, тем не менее, признаком безусловной допустимости под одной литерой «А». Только в совершенно исключительных случаях местный Гублит может все же не допустить пьесу из списка «А». Для этого должны быть особо веские местные причины политического, национального, или равного им по значению характера».

Под литерой «Б» были пьесы, разрешенные условно. Это означало, что разрешение на их постановку давали местные репертуарные комиссии. В том же письме дается разъяснение по поводу данной категории: «Литера «Б» – это группа тех пьес, к репертуарной оценке которых Репкомы должны подойти с точки зрения местной целесообразности разрешения той или иной из них, в связи со всеми объективными моментами местного потребительского рынка: характера, аудитории, значения предприятия, экономики и т.п. Иначе говоря, расходование пьес из группы «Б» надо регулировать таким образом, чтобы в добавление, например, к пьесам из списка «А», из группы «Б» было бы по возможности не больше 30-35% репертуара... Литеру «Б» разрешать с выбором: если уклон театра в общем серьезный, ему для экономического равновесия можно разрешить, предположим, и легкую комедию, и водевиль из группы «Б». По отношению к рабочим, красноармейским и другим клубам желательно в целом, конечно, быть ближе к литеру «А». Но и здесь надо различать клуб от клуба, завод от завода, производство от производства. Если в одном клубе с отсталой аудиторией не стоит, например, без комментариев показывать Чехова, то в другой, более квалифицированной рабочей аудитории, быть может, полезно показывать его в плане «вот как это было», «вот как жили». Точно также, например, и с «Властью тьмы» Толстого для крестьянской аудитории».

Помимо этих двух групп выделялась еще группа запрещенных постановок. Мотивы, положенные в основу политики запрещения, видны из указаний губернских органов уездным инспекторам по делам печати и зрелищ:

«Секретно.

Циркулярно.

Уинспекторам печати и зрелищ.

...Следует в особенности запрещать репертуар, содержащий в себе оттенок антисоветской пропаганды, злобное высмеивание отдельных сторон советской жизни. Это, однако, нельзя смешивать с юмором, создавшимся в советском быту... Также необходимо вести беспощадную борьбу с репертуаром, содержащим в себе религиозный фанатизм, острый болезненный индивидуализм (я – все, общество – ничто), шовинизм и национализм. 1926 г.».

Есть в архивных фондах сведения о запрещении конкретных произведений:

«...В списки не включен еще ряд пьес, не желательных в данное время для постановки на сцене. Сюда относятся такие пьесы, как: по Диккенсу «Сверчок на печи», «Битва жизни», Мольер – «Дон Жуан», а также пьесы Островского, как «Женитьба Белугина» ... «Бесприданница» и ряд других пьес этого автора, причисленных Научно-художественной секцией ГУСа к 3 категории, как пьесы или художественно менее значительные, или противоречащие современным идеологическим требованиям: «Бешеные деньги» ... «Не в свои сани не садись» ... «Последняя жертва» ... Вышеупомянутые пьесы в репертуар театров и клубов не допускать...».

«Пьеса Юрина «Себя казнивши» (ранее называлась «Конь вороной» – по повести Бориса Савинкова) запрещена к постановке повсеместно».

«Гублит сообщает, что пьеса М.Булгакова «Семья Турбиных» («Белая гвардия») разрешена ГРК на текущий год только Московскому Художественному театру, для остальных же театров РСФСР постановка ее КАТЕГОРИЧЕСКИ ЗАПРЕЩАЕТСЯ. Затем, заявки театров на постановку другой пьесы того же автора «Зойкина квартира» следует отклонять впредь до распоряжения ГРК».

Особое отношение властей к такому жанру, как оперетта, характеризует циркуляр Главлита от 30 июня 1926 года:

«Циркулярно.

Секретно.

Всем Гублитам и Облитам

Копии – Главреперткомам при Главлитах НКП ССР

За последнее время с мест поступают вопросы о тех или других оперетках, а также просьбы о снабжении мест целыми списками разрешенных и запрещенных оперетт. ГРК считает нужным дать по этому поводу следующее разъяснение.

Старая оперетта, как наиболее яркое вырождение буржуазного театра, является у нас только терпимым контролем, и чем скорее исчезнет в РСФСР, тем лучше. Не случайно, поэтому и то, что массовый постоянный посетитель опереточных спектаклей принадлежит к тем общественным прослойкам, которые разумеются под кличкой «накипь НЭПа».

Как общее правило, все оперетки пошлы и глупы, а по содержанию глубоко чужды нашему сознанию. Но поскольку в них нет явного политически – контрреволюционного момента, и поскольку новой советской оперетты еще нет, запрещению они не подлежат ...».

Еще один аспект, на который обращал внимание Главлит: «Большое внимание необходимо уделить контролю не только над текстами пьес, но и над их сценическим оформлением (постановкой). Любую пьесу (даже вполне приемлемую) можно поставить таким образом, что она может оказаться вредной и неприемлемой». Губернское управление предупреждало уездных инспекторов: разрешенный текст не всегда гарантирует от нежелательных явлений – движениями артист может придать совершенно противоположный смысл словам. Тем самым подчеркивалась необходимость не только предварительного, но и последующего контроля.

Контролю подверглась и эстрада, особенно гастролирующие коллективы. Следовало «сугубо строго подходить ко всякой самодельщине в репертуаре бродячих актеров, спекулирующих на невежестве отдельных лиц ... вести решительную борьбу со всякими фокусами, разными «индийскими и египетскими тайнами», несущими в себе элементы мистики и всяких «чудес», рассчитанных на одурачивание зрителя. Совершенно не допускать к постановке цирковых номеров, имеющих в себе глотание твердых предметов, прокалывание органов человеческого тела и т.п. Из цирковых номеров может быть допущена только легкая атлетика с научной целью, как один из видов физкультуры».

Разумеется, нельзя всю политику запретов сводить к политическим и идеологическим причинам. Запрещались произведения низкого художественного содержания – «незначительные в своем художественном весе», а также безграмотно исполняемые пьесы. Обращалось внимание на культуру речи. В 1926 году Главный репертуарный комитет направил на места указание, актуальное, пожалуй, и в наши дни. «В последнее время отмечается, что зритель со сцены театра, эстрады ... цирка слышит во многих выступлениях ругань, включенную в текст ... Матерное слово в эстрадных номерах находит себе еще более изощренные выражения; некоторые же исполнители считают своим долгом смачно преподать подобные слова ... Исходя с одной стороны из того, что сцена должна служить высоким общественно – воспитательным задачам, и не должна создавать культа матерного слова и ругани вообще, даже в показе бытовой правды, а с другой стороны – из того, что матерщине, как одной из форм хулиганства, отравляющей наш быт, директивными органами объявлена борьба, ГРК предлагает не допускать на сцене проявлений хулиганства в виде грубых ругательских реплик, изъяв из ранее разрешенного текста бранные слова ...».

Таким образом, документы, хранящиеся в городском архиве, дают представление о том, как учреждения системы Главлита, в том числе, губернского и уездного уровня, осуществляя цензуру, участвовали в процессе формирования сознания, мышления, нравственных устоев граждан нового, социалистического государства, и идеологическая составляющая была в этом процессе главной.